

К ВОПРОСУ ОБ УСТНОЙ ИСТОРИИ: на примере несостоявшейся Цыганской автономной республики в СССР

МАРУШИАКОВА Елена,

проф., д-р., университет Ст. Эндрюс, Великобритания,
emp9@st-andrews.ac.uk

ПОПОВ Веселин,

проф., д-р., университет Ст. Эндрюс, Великобритания,
vp43@st-andrews.ac.uk

Аннотация. В 1920-е и 1930-е гг. в СССР национальное строительство проводилось в русле парадигмы «положительной деятельности». Это привело к созданию множества национальных административно-территориальных единиц на разных уровнях. Руководство Всесоюзного союза цыган также неоднократно ставило вопрос о необходимости создания цыганского национального района, который разовьется до цыганской автономной республики, об этом просили и отдельные цыганские активисты в письмах к Сталину. В 1936 г. совещание Совета Национальностей ЦИК СССР приняло решение начать подготовительную работу в этом направлении и издало соответствующее Постановление Президиума ВЦИК. Было организовано комплексное обследование мест возможного будущего национального образования в Западно-Сибирском крае, а также и другие подготовительные работы. Однако по разным причинам в конце 1930-х гг. тема о цыганской автономной республике исчезла из повестки.

Данная статья представит, как эти события, которые сохранились в устной истории цыган, переплелись с воспоминаниями о депортации кочующих цыган из Москвы в Сибирь в 1933 г. В результате контаминации воспоминаний об этих событиях был создан исторический нарратив в фольклоризированной форме. Кроме того, будет предложена дискуссия о методе устной истории, в которой интерпретация событий может развиваться до национального нарратива, но которая далеко не всегда является достоверным историческим источником. Для достижения полного исторического познания необходимо верифицировать устную историю с существующими документальными источниками, с обязательным учетом общего общественно-политического контекста, в котором цыганский исторический нарратив создан и функционирует.

Ключевые слова: цыгане, устная история, национальный нарратив, архивы, цыганская автономия.

.....

TO THE QUESTION ABOUT ORAL HISTORY: on the example of the missed Gypsy autonomous republic in the USSR

Elena MARUSHIAKOVA,
Prof., Dr. University of St Andrews, UK,
emp9@st-andrews.ac.uk

Vesselin POPOV,
Prof., Dr., University of St Andrews, UK,
vp43@st-andrews.ac.uk

Abstract. In the 1920s and 1930s. in the USSR, nation-building was carried out in line with the paradigm of “affirmative action”. This led to the creation of many national administrative-territorial units at different levels. The leadership of the All-Russian Union of Gypsies has also repeatedly raised the issue of the need to create a Gypsy national region, which will develop into a Gypsy autonomous republic, and some Gypsy activists have also pleaded for this in their letters to Stalin. In 1936, a meeting of the Council of Nationalities of the Central Executive Committee of the USSR decided to start preparatory work in this direction and issued the corresponding Resolution of the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee. A comprehensive survey of the places of possible future Gypsy national unit in the West Siberian Territory was organised, as well as other preparatory work. However, for various reasons at the end of the 1930s the topic of the Gypsy Autonomous Republic disappeared from the agenda. The article presents these events which were preserved in the oral history of the Gypsies and also how the memory of these events intertwined with the memories of the deportation of nomadic Gypsies from Moscow to Siberia in 1933. As a result of the contamination of memories of these two events, a historical narrative was created in folklorised form. A discussion is offered about method of oral history, in which the interpretation of events can develop into a national narrative, far from always being a reliable historical source. To achieve full historical knowledge, it is necessary to verify the oral history with existing documentary sources, taking into account the general socio-political context in which the Roma historical narrative was created and functions.

Keywords: Gypsies, oral history, national narrative, archives, Gypsy autonomy.

В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ все чаще можно услышать утверждения о том, что если мы хотим понять «истинную» историю цыган, надо заменить так называемую классическую историю устной, потому что «у них отсутствует фиксированная история» [Scott 2009: 235]. И только устная история может корректно отразить историческую память народа [The Untold Story 2019]. Устная история часто представляется также и как метод исследования, предназначенный специально для изучения «народов без истории» [Wolf 1982], и особенно как способ понять ‘других/чужих’, которые находятся в данном национальном государстве, которые, как предполагается, не имеют собственного голоса, не имеют своих собственных исторических записей [Perks & Thomson 1998]. И так как цыгане – по мнению некоторых авторов – это «невидимый и неслышанный народ в письменной истории», поэтому внимание при их изучении «необходимо акцентировать на устной истории» [Stan 2015].

Имея в виду эти точки зрения, нас не удивляет современное увлечение устной историей цыган. Хотя последние исследования ясно доказали несостоятельность взгляда на цыган как на аисторический народ, т. е. как на народ без истории, который не интересуется историей и существует вне общей истории стран и регионов, где они живут [Marushiakova & Popov 2021]. Но несмотря на то что устная история часто рассматривается и используется как альтернатива официальным нарративам [Perks & Thomson 1998], она на самом деле может стать полезным средством изучения того, как прошлое понимается, интерпретируется и переживается субъектами настоящего [Portelli 1997], что невозможно сделать без ее исторической контекстуализации, т. е. не учитывая исторический и современный контекст исследованных событий и процессов. Кроме исторического контекста при изучении устной истории, нас всегда интересовали и конкретные причины возникновения отдельных исторических нарративов, через которые становится возможным понять процесс восприятия и инструментализации данного исторического события или исторического процесса. Нередко отдельные события, которые сохранены в устной истории, в их сочетании становятся основой более целостного национального нарратива. При изучении самого процесса возникновения национального нарратива как составной части процесса национального строительства для полного раскрытия темы необходимо постоянно проводить верификацию данных устной истории с соответствующими документальными и другими письменными источниками.

Цыгане как сообщество в настоящем времени как раз создают свой национальный нарратив как на уровне отдельных стран, так и в международном плане. Это вместе с тем обстоятельством, что многие раньше недоступные архивные источники открылись для исследователей, создало уникальную возможность не только обнаружить новые факты, но и предложить новые интерпретации. Сегодня, когда стало возможным сочетать обнаруженные исторические документы с современными нарративами, мы можем

не только иллюстрировать, но и переосмыслить некоторые теоретические установки, а также посмотреть глубже на взаимосвязь между письменной и устной историей и на инструментализацию каждой из них вместе и по отдельности. Как раз такому переосмыслению посвящена настоящая статья.

Конечно, в рамках одной статьи невозможно рассмотреть весь комплекс вопросов о соотношении устной и классической истории полностью во всех возможных измерениях, поэтому мы здесь ограничимся рассмотрением одного конкретного случая, а именно, сосредоточимся на теме о несостоявшемся создании Цыганской Автономной Советской Социалистической Республики в раннем СССР.

* * *

Сначала представим, что говорит «классическая» история по этому вопросу.

В 1920-х гг. в СССР была установлена сложная иерархичная территориально-административная система, построенная на национальной основе, включающая как союзные и автономные республики, так и национальные области, округа, районы и сельсоветы. Цыган в этой системе не было, и это понятно – они кочевали или проживали маленькими диаспорами, разбросанными на огромной территории, не имея нигде значимый процент населения, который бы смог стать основой для создания национального территориального образования (даже и на самом низком уровне).

Идея создания отдельной цыганской национальной территориально-административной единицы впервые возникла среди цыганских активистов уже в конце 1925 г., когда в *Плане работ на 1926 год* только что созданного Всероссийского союза цыган было отмечено: «Для сохранения вырождающихся национальных признаков цыганской массы [...] Союз предлагает: Отвести в южном крае территорию для поселения цыган [...]» [ГАРФ. Ф. Р 1235. Оп. 120. Д. 27. Л. 99–101]. Для выполнения этой задачи весной 1926 г. в Федеральный Комитет ВЦИКа (с копией в Переселенческий комитет) от имени Президиума Всероссийского Союза Цыган были отправлены два доклада, подписанные председателем цыганского Союза Андреем Тарановым и секретарем Иваном Лебедевым (который впоследствии стал известен как Ром-Лебедев). В первом докладе отмечается: «Судя по тем сведениям, которые имеет Союз через своих членов, то их по СССР насчитывается около 500,000» [ГАРФ. Ф. Р 3260. Оп. 6. Д. 44. Л. 5]. Здесь необходимо отметить, что, по данным Всесоюзной переписи населения 1926 года, в СССР в это время жило 61 234 цыгана [Всесоюзная 1926]. Во втором докладе уточняется: «Президиумом предположено поселить до 100 000 (сто тысяч) человек». Оба доклада подчеркивают, что «Союз Цыган просит федеральный комитет ВЦИКа выделить из госфондовой земли часть для поселения цыган, главным образом на юге, так как цыгане – народ южный» [ГАРФ. Ф. Р 3260. Оп. 6. Д. 44. Л. 6]; и более конкретно: «По результатам опроса самих масс наблюдается общее тяготение к Югу. Президиумом намечены на

предмет поселения цыган Северо-Кавказскую или Кубанскую область» [ГАРФ. Ф. Р 3260. Оп. 6. Д. 44. Л. 4].

Неясно, исходила ли сама идея создания цыганского национального района от московских цыган, которые составляли подавляющее большинство членов и руководства Союза, или от его председателя Таранова. Точно известно одно – эта идея рождена самими цыганами, но несмотря на декларированную поддержку «в деле устройства на земле цыган» [ГАРФ. Ф. Р 3260. Оп. 6. Д. 44. Л. 1–8], советские власти в то время идею создания национального района не поддержали. Таким образом, идея создания цыганской национальной территориально-административной единицы была оставлена до лучших времен.

Здесь необходимо сказать несколько слов о событии, которое случилось семь лет спустя и которое впрямую не связано с идеей цыганской автономии, но которое важно для нашей темы, так как оно нашло отражение в устной истории цыган. Летом 1933 г. органами ОГПУ была осуществлена массовая депортация кочующих цыган из окрестностей Москвы. Это происходило в рамках общей акции властей по «зачистке» столицы и крупных городов от «нежелательного антисоциального и деклассированного элемента». Сама операция проводилась через систему ОГПУ на основании Постановления СНК СССР от 20 апреля 1933 г. об организации трудовых поселений [ГАРФ. Ф. Р 5446. Оп. 57. Д. 24. Л. 2–12]. В рапорте на имя Генриха Г. Ягоды от 10 июля 1933 г. его автором Израилем И. Плинером, который тогда занимал пост помощника начальника ГУЛАГа НКВД СССР, эти депортированные цыгане определены как «иностранные цыгане» [ГАРФ. Ф. Р 9479. Оп. 1. Д. 19. Л. 7].

Понятие «иностранные цыгане» широко использовалось в 1920-х – первой половине 1930-х гг. Так называли цыган, подданных Австро-Венгерской империи, Румынии, Сербии, Греции и т. д., которые перекочевали в пределы Российской империи в последние десятилетия XIX в. и особенно в начале XX в. (до Первой мировой войны). Они вели полукочевой образ жизни, но в большинстве случаев уже в модернизированных формах – они перемещались (часто используя железнодорожный транспорт) в более крупные города империи в поисках заказов на изготовление и ремонт медных изделий, преимущественно котлов и посуды, или другой временной работы. Они использовали свои документы иностранных граждан, которые необходимо было заверять один раз в год в соответствующих посольствах, что давало им возможность пользоваться налоговыми льготами (практически они не платили налогов). По большей части эти цыгане были из групп котляров (кэлдэрарей) из различных семейных сообществ, а также ловари.

После Октябрьской революции часть этих так называемых иностранных цыган осталась жить в СССР. В период советской власти они по инерции не спешили получить советское гражданство и изменить свой гражданский статус иностранных граждан (категория «иностранцы» даже была включена во Всесоюзную перепись 1926 года). Более того, в 1917 г. была от-

менена система внутренних паспортов, и на практике в 1920-х гг. использовались личные документы различного рода. Ситуация коренным образом изменилась с принятием Постановления ЦИК и СНК СССР от 27 декабря 1932 г. «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописки паспортов». Паспорта выдавались не всем категориям граждан и были обязательны только для тех, кто был определен как «постоянно проживающие в городах, рабочих поселках, работающие на транспорте, в совхозах и на новостройках» [Собрание 1932]. Большое количество цыган (не имевших прописки из-за кочевого образа жизни) были лишены возможности получить документы, удостоверяющие их личность, сохранили неопределенный гражданский статус, и им было запрещено жить в городах, рабочих поселках и совхозах. Ситуация усугублялась началом массовой коллективизации и острой нехваткой продуктов питания. Это привело к введению хлебных карточек в 1929 г. и общесоюзной карточной системы распределения основных продуктов питания и непродовольственных товаров в 1931 г., что практически обрекло значительную часть населения (включая преобладающую часть цыган, в первую очередь кочевых) на существование вне государственной системы обеспечения продуктами питания. Вместе с этим в некоторые города доступ был особенно строго ограничен, например в Москву, Ленинград, Минск, Киев, Одессу, Харьков, Ростов-на-Дону, Владивосток и пр., которые были привилегированными с точки зрения снабжения продуктами питания.

В этом общем историческом контексте понятно, почему летом 1933 г. десятки цыганских таборов были сосредоточены в окрестностях Москвы в поисках пропитания в большом городе и почему была осуществлена их депортация. Это выселение в Сибирь неоднократно упоминается в научной литературе, а его полное описание можно найти в советских архивах [ГАРФ. Ф. Р 9479. Оп. 1. Д. 19. Л. 7], документы которых были опубликованы неоднократно. Несмотря на то что депортированы в данном случае были цыгане, здесь мы не имеем целенаправленную антицыганскую акцию Советского государства, так как она была частью общих действий властей в соответствии с Постановлением СНК СССР «Об организации трудовых поселений ОГПУ» от 20 апреля 1933 г., где сказано: «В создаваемые трудпоселения должны быть направлены следующие контингенты: а) выселяемые из районов сплошной коллективизации – кулаки; б) выселяемые за срыв и саботаж хлебозаготовительных и др. кампаний; в) городской элемент, отказывающийся в связи с паспортизацией выезжать из Москвы и Ленинграда; г) бежавшие из деревни кулаки, снимаемые с промышленного производства; д) выселяемые в порядке очистки государственных границ (Запада и Украины); е) осужденные органами ОГПУ и судами от 3 до 5 лет включительно, кроме особенно социально опасных из них» [ГАРФ. Ф. Р 5446. Оп. 57. Д. 24. Л. 2–12].

Как видно из текста этого постановления, кочующие цыгане не только не упомянуты в нем, но даже трудно назвать категорию, к которой их можно

было бы причислить. Можно предположить, что они подведены под пункт в), куда их возможно включить, если толковать его более широко – хотя цыганские кочевники не являлись «городским элементом», но они разбивали свои лагеря в окрестностях Москвы и зарабатывали себе на жизнь на улицах города. Однако «иностранные цыгане» (т. е. в основном котляры и ловари) не должны были подлежать (и фактически не подлежали) депортации. Они уже сравнительно долго проживали в Москве, где успели создать свои артели. Кочующие же цыгане в основной массе не были «иностранными гражданами». По воспоминаниям, сохранившимся в устной истории, депортация охватила цыган из разных групп – в основном кишиневцев, сэрвов, влахов, крымков и др. [Бессонов 2002]. По каким причинам в документах ОГПУ они были определены как «иностранные цыгане», неясно.

Цыганский активист Трофим Герасимов описал эти события в своей докладной записке, адресованной Сталину, так: «...цыгане приезжали целыми таборами, располагались вокруг Москвы и требовали у Наркомзема РСФСР земельной площади. Такое явление особо было обнаружено в 1933 году. В этом же году Московская область была переполнена таборами цыган. Это вполне понятно, ибо в это время была поголовная тяга – желание трудящихся крестьян вступить в колхозы. Цыганское население имело большое желание перейти на оседлый образ жизни и, не найдя на местах никакой не только помощи, но и не получив указания, цыганские таборы вынуждены были приехать в Москву с ходатайством в центральные земельные органы. Например, МОЗО не могло переселить цыган, которые с весны с 1-го мая организовались в два колхоза. Из-за косности МОЗО, недооценки национального вопроса не была доведена работа до конца. Все было готово, но у МОЗО не было средств перевести этих колхозников в Ваневский район, и два колхоза были вынуждены, не добившись никаких результатов, продолжать кочевой образ жизни. Густое заполнение окраин Москвы и самого города цыганскими таборами административные органы вынуждены были административно выселить цыган из московской зоны» [ГАРФ. Ф. Р 3316. Оп. 64. Д. 1637. Л. 5–6].

В период с 28 июня по 9 июля 1932 г. из Москвы было «выселено 1,008 семей, 5,470 человек, в том числе 1,440 мужчин, 1,506 женщин и 2,524 детей» [ГАРФ. Ф. Р 9479. Оп. 1. Д. 19. Л. 7]. Цыган по приезде в пункт назначения предполагалось поселить в отдельные цыганские национальные поселения. Пять эшелонов с депортированными цыганами было перевезено по железной дороге из Москвы в Томск (тогда Западно-Сибирский край), время в пути занимало от двух до трех недель. Депортированные везли с собой все свое имущество, в том числе 338 лошадей и две коровы; в дороге им предоставили горячее питание, медицинскую помощь и корм для животных [ГАРФ. Ф. Р 9479. Оп. 1. Д. 19. Л. 7]. Из Томска путь следовал по дорогам местного значения, и наконец цыгане были доставлены в назначенный населенный пункт на баржах. Это было поселение, названное Евстигнеевкой; оно находилось в Пышкино-Троицком (ныне Первомайском) районе Том-

ской области, располагалось на берегу реки Чичкаюл в месте ее впадения в реку Чулым [Барсагаев 1990; Неволин 2014].

Согласно документам ОГПУ, в Западно-Сибирский край [ГАРФ. Ф. Р 3. Оп. 1. Д. 540 А. Л. 51–53] с весны по 7 августа 1933 г. было депортировано всего 119 426 «трудпоселенцев». Преобладающая часть – это жертвы массовой коллективизации (кулаки), за исключением тех, кто был выделен как «социально вредные и деклассированные элементы» (всего 20 940 человек) и цыгане (5222 человека, т. е. на 248 человек меньше депортированных из Москвы – видимо, часть из них сбежала по дороге (если бы пропавшие умерли, это должно было быть подтверждено соответствующими документами). Следует подчеркнуть, что в документации ОГПУ четко разграничены две отдельные категории трудпоселенцев – «социально вредные и деклассированные элементы» и «цыгане», т. е. цыгане не рассматриваются как социально вредные и деклассированные элементы. Это уточнение здесь необходимо, потому что в известной *Черной книге коммунизма* [Courtois et al. 1999] эти две категории не только четко не отделены друг от друга, но и абзац, начинающийся с рассказа о депортации цыган из Москвы, завершен так называемой Назинской трагедией (о Назинской трагедии более подробно см. [Werth 2007]), что дает возможность некоторым неправильным интерпретациям.

Еще до начала массовых депортаций, а также во время их проведения местные власти неоднократно сигнализировали центральным органам в Москве, что они недостаточно хорошо обеспечены (материально, финансово и в плане человеческих ресурсов) для приема, переселения и расположения такого большого количества поселенцев. Были предприняты определенные чрезвычайные меры, но их было крайне недостаточно, в результате чего в местах депортации возникло множество проблем самого разного характера, в том числе случилась упомянутая выше Назинская трагедия (в документах названная «Назинским инцидентом»). Более 6000 «социально вредных и деклассированных элементов» были поселены без какой-либо предварительной подготовки (без еды, крыши над головой, утвари и инструментов) на необитаемом острове на реке Обь, где более трети из них умерли от голода и холода в течение нескольких месяцев (1933).

В этом общеисторическом контексте надо рассматривать и судьбу депортированных цыган. Условия их жизни в Естигнеевке были исключительно трудными. Местным властям не удалось подготовить жилье для поселенцев, и они жили в землянках (впоследствии было построено несколько барачков). Особого энтузиазма к заселению цыгане не проявляли, при расчистке тайги они, скорее, имитировали трудовую деятельность, а семена, которые им давали на посев, ели, жарили на костре и вскоре (несмотря на запреты) начали ходить по окрестным деревням, попрошайничать, гадать и т. д. [Барсагаев 1990; Неволин 2014].

Сам режим охраны был не очень строгим (или, если сказать точнее, – местные власти закрывали глаза на отлучки цыган). Виктор Земсков пишет:

«Уже осенью 1933 г. этот контингент трудпоселенцев фактически перестал существовать, так как почти все цыгане бежали. В документах не обнаружено никаких указаний о предпринятых мерах по возвращении их назад в места высылки» [Земсков 2014]).

По другим данным, после массового исхода цыган осенью 1933 г. поселение Евстигнеевка все-таки просуществовало еще как минимум несколько лет, в нем проживало около 400 цыган, условия жизни оставались крайне тяжелыми, и побегии продолжались [Барсагаев 1990; Неволин 2014]. Когда именно это поселение прекратило свое существование, неизвестно, но, по всей видимости, оно было окончательно заброшено еще до начала Второй мировой войны.

Другое событие, которое имеет значение для нашей темы, случилось в 1934 г. Тогда был создан прецедент, который оказался особенно важным для перехода к новой жизни и развития идеи создания цыганской национальной территориально-административной единицы. 7 мая 1934 г. на Дальнем Востоке Биробиджанский национальный район получил статус Автономной Еврейской национальной области. В Биробиджанском районе евреи никогда не жили компактно, они начали переселяться туда уже в годы советской власти. Работа по переселению евреев на компактную территорию началась еще в августе 1924 г., когда Постановлением Президиума ЦИК СССР был создан Комитет по земельному устройству трудящихся евреев. А несколько месяцев спустя, в декабре, – и Общественный комитет, который мобилизовал общественность и обеспечивал поддержку процессу переселения [Романова 2001].

Создание Автономной Еврейской национальной области показало, что существует реальная возможность организовать автономию и для других национальностей, которые так же, как евреи, не сосредоточены на компактной территории, живут диаспорами (например, цыгане), а также какие шаги необходимо предпринять для ее реализации.

Вдохновленные этим примером цыгане-активисты снова вернулись к идее создания цыганской республики. Для ее воплощения в жизнь они перепробовали разные способы. Один из них – письма в высшие советские государственные органы и лично вождям. Этот способ был широко использован особенно цыганскими активистами из Западной тогдашней области, центром которой был Смоленск. Почему именно здесь сформировался своеобразный центр цыганской активности, логически объяснимо. Здесь большие группы цыган жили оседло или полуоседло еще в дореволюционный период, и в этой области в раннем СССР политика аффирмативной акции по отношению к цыганам показала лучшие и сравнительно устойчивые достижения – были созданы цыганские колхозы и школы, цыгане учились на рабфаках и т. д.

В эпистолярной кампании за создание цыганской автономии важное место занимал цыган Илья Герасимов, который работал инструктором обл-исполкома Западной области. Начиная с 1934 г., он отправил серию писем в высшие органы власти СССР.

Первое такое письмо он отправил уже в ноябре 1934 г. председателю ЦИК СССР Михаилу Калинину. В нем он пишет: «Крайне необходимо сейчас для цыган отвести административно-территориальную единицу хотя бы в виде небольшого района и снабдить этот нац[иональный] район соответствующими кадрами. Ведь среди нас цыган имеется много коммунистов, комсомольцев и, кроме этого, много цыган, учащих в средних и высших учебных заведениях. Все эти кадры могут вполне обеспечить руководство на отведенной территории» [ГАРФ. Ф. Р 1235. Оп. 123. Д. 28. Л. 368–369].

Следующее письмо от января 1936 г. адресовано «Великому учителю, гениальному вождю трудового народа всего мира, Великому вождю нашей коммунистической партии ВКП(б), Тов[арищу] Сталину!». Оно было подготовлено И. Герасимовым, но подписано «от делегатов западной области первого союзного совещания по вопросу культурно-хозяйственного обслуживания трудящихся цыган всего союза». В нем почти теми же словами, как и в первом письме, подтверждено желание цыган: «Просим от имени цыган отвести территорию хотя бы в виде района для компактного заселения трудящихся цыган» [ГАРФ. Ф. Р 3316. Оп. 28. Д. 793. Л. 13–13 об.].

В октябре того же года Илья Герасимов написал уже только от своего имени новое письмо Сталину как руководителю Комиссии по подготовке новой Конституции СССР. В нем он пишет: «Кочевое население просит Конституционную комиссию [под руководством] И. В. СТАЛИНА и Правительство выделить один район в Союзе для компактного заселения цыган и оказать им помощь в трудоустройстве» [ГАРФ. Ф. Р 1235. Оп. 123. Д. 27. Л. 141–141 об.].

Сокращенный вариант этого письма под названием «О цыганском национальном районе» был опубликован и в официальном источнике – газете «Известия ЦИК СССР» в рубрике «Предложения» в рамках так называемого всенародного обсуждения проекта новой Конституции [Герасимов 1936].

Во всех этих письмах основная тема – необходимость создания цыганской национальной территории «хотя бы в виде района для компактного заселения трудящихся цыган» (т. е. сделан намек, что желательно получить что-нибудь побольше). Довольно прозрачно эти письма лоббируют, чтобы этот район был в западной области, подчеркивая ее достижения (устойчивые цыганские колхозы и школы) и декларируя, что «среди нас много есть цыган коммунистов, комсомольцев – учащаяся молодежь, много выросло кадров из цыган, которые могли бы обеспечить руководство в данной территории» [ГАРФ. Ф. Р 3316. Оп. 28. Д. 793. Л. 13–13 об.].

Те же самые послания находим и в докладной записке Трофима Герасимова, который был, вероятнее всего, братом Ильи Герасимова (подробнее о нем см. [Marushiakova & Popov 2022]). В это время Трофим Герасимов работал инженером вагонно-строительного завода в Днепродзержинске. В этой записке уже прямо поставлен вопрос о цыганской автономной республике:

«...о выделении цыганского района в начале, который должен разрастись и превратиться в автономную цыганскую республику. По-моему, этот вопрос, настолько насущный на сегодня, что я лично не нахожу другого выхода, который бы послужил быстрее этого вопроса, построить национальную социалистическую республику. Вопрос на сегодня до крайнего предела назрел, о необходимости, о компактном заселении цыган.

По-моему, этот район целесообразно создать на Северном Кавказе, где уже имеется цыганский сельсовет.

В районе, где будут заселены цыгане, можно вести во всех социалистических разрезах воспитание людей. Здесь конденсировать всю культуру с высоко колоритным содержанием. Имеющуюся нашу уже национальную литературу трудно распространить, и она пылится на складах, а при компактном заселении литература будет пущена в ход, в массы. Район будет сразу заселен, и он разрастется в республику» [ГАРФ. Ф. Р 3316. Оп. 64. Д. 1637. Л. 2–13].

В стремлении найти дополнительные аргументы в пользу создания цыганской республики Герасимов пишет даже и о международном эффекте – «окончательное оседание цыганской народности имеет большое значение в мировом политическом разрезе» (там же) – и продвигает Северный Кавказ как место этой будущей республики.

Вопрос о создании цыганской национальной советской республики нашел отражение и в публичном пространстве. При обсуждении проекта новой Конституции летом 1936 г. в газете «Комсомольская правда» появилось предложение «создать в составе РСФСР или Украинской ССР Цыганскую автономную область, объединив разрозненные ныне цыганские колхозы. Благодаря созданию Цыганской автономной области, у нас еще более успешно будет идти переход цыган на оседлое положение и культурное их возрождение», подписанное тремя московскими рабочими, судя по всему, не цыганами [Масленников, Смирнов, Плетнев 1936].

Вскоре после этого был опубликован ответ на предложение московских рабочих: «Актив цыган Москвы при центральном цыганском клубе и уполномоченные вновь организуемого цыганского колхоза в Харькове обсудили предложение тт. Ю. Масленникова, В. Смирнова и В. Плетнева о создании автономной цыганской области (см. «Комсомольскую правду» от 14 июля с. г.). Цыганский актив г. Москвы это предложение поддерживает и считает что:

1. Создание автономной цыганской области будет способствовать быстрейшему оседанию трудящихся цыган на определенной территории.
2. Следовало бы издавать периодический печатный орган на цыганском языке, что способствовало бы культурному росту цыганского народа.
3. <Следуют 27 подписей> [Трудящиеся предлагают 1936].

Нельзя сказать, что идея создания цыганской территориально-административной единицы поддерживалась относительно небольшим кругом

цыганских активистов. По крайней мере, известно, что ее поддерживали кочевники. Свидетельство тому – серия писем, посланных в советские институции. Так, например, в 1935 г. «табор кочующих цыган близ города Иваново» пишет в Отдел национальностей ВЦИКа:

«Мы – нацмены, цыгане, кочевники, не имеющие определенного местожительства и территории, желаем быть оседлыми, иметь определенное местожительство и собственную территорию в виде цыг[анского] района. [Желаем] активно работать на социалистических полях и промышленности, и когда будет создан цыганский район, мы также будем работать в промышленности и сельском хозяйстве, как другие автономные области» [ГАРФ. Ф. Р 1235. Оп. 130. Д. 5. Л. 85–86]. А из Удмуртской АССР кочующие цыгане пишут в ОН ВЦИК: «Для того чтобы цыгане сохранили свою национальность как таковую, [необходимо] выделить земли для территории цыганской республики, области или в крайнем случае округа» [ГАРФ. Ф. Р 1235. Оп. 130. Д. 5. Л. 80–81].

В то же время идея цыганской автономной республики начинает находить поддержку в некоторых кругах высшего советского управленческого аппарата. И прежде всего, здесь необходимо упомянуть Ивана Токмакова, цыгана из Екатеринбурга, члена ВКП(б) с 1918 г. (о нем см. [Magushiakova & Rorov 2022]). Он был послан в Москву для обучения в Коммунистическом Университете имени Свердлова, а в 1931 г. начал работать инструктором в Отделе Национальностей ВЦИКа. Как человек, занимающий хоть и невысокую должность, но все-таки находящийся в коридорах власти, он получил возможность активно влиять на советскую политику по отношению к цыганам.

У И. Токмакова было ясное видение того, какие шаги необходимо предпринять для достижения поставленной цели. Уже в 1932 г. по его инициативе создан первый (и оставшийся единственным) национальный цыганский сельсовет в селе Канглы Минераловодского района Северо-Кавказского края, куда был перемещен цыганский колхоз «Труд ромэн» («Труд цыган»), а цыганский активист Михаил Безлюдский был командирован из Москвы для руководства этим сельсоветом и колхозом, которые должны были стать ячейкой будущего цыганского национального района.

Президиум ВЦИКа откликнулся на эти инициативы и своим Постановлением с 1 апреля 1932 г. обязал Наркомзем выделить район для землеустройства трудящихся цыган [ГАРФ. Ф. Р 1235. Оп. 130. Д. 5. Л. 38–39], но это не было выполнено. В 1935 г. через структуры Всесоюзного переселенческого комитета при Совете народных комиссаров было разослано циркулярное письмо всем субъектам РСФСР с вопросом, в состоянии ли они предоставить свободную землю для компактного заселения кочующих цыган [ГАРФ. Ф. Р 1235. Оп. 130. Д. 5]. Были получены разнообразные ответы – например, Северо-Кавказский, Азово-Черноморский края и Крымская АССР ответили отказом, аргументируя тем, что не располагают

свободными земельными участками. Другие, напротив, предлагали такие земли: Горьковский край предложил для цыган выделить территорию в сегодняшней Республике Марий Эл; Омская область предложила земли на территории Остяко-Вогульского национального округа (сегодняшнего Ханты-Мансийского автономного округа). Эти предложения были сочтены неподходящими из-за тяжелых климатических условий. Западно-Сибирский край соглашался предоставить цыганам землю в Чисто-Озерском районе при условии получения дополнительных бюджетных инвестиций, впоследствии были предложены новые варианты, все в современном Алтайском крае [ГАРФ. Ф. Р 1235. Оп. 130. Д. 5]. После обсуждения полученных предложений в ОН ВЦИК была создана комиссия по выбору территории для поселения цыган.

Как самое перспективное было рассмотрено предложение Западно-Сибирского края, и Наркомзем откомандировал туда комплексную экспедицию для исследования нескольких мест (Чарышский, Солонешенский, Алтайский, Кондомский и Мрассо-Кондомский районы) в сегодняшнем Алтайском крае и Кемеровской области [ГАРФ. Ф. Р 1235. Оп. 130. Д. 9]. Результаты комплексной экспедиции были охарактеризованы как недостаточные для достижения окончательного решения, и поэтому Президиум ВЦИК 10 декабря 1935 г. снова поручил Всесоюзному переселенческому комитету «изыскать район для заселения трудящихся цыган компактной массой» и выделил средства для новой комплексной экспедиции [ГАРФ. Ф. Р 3316. Оп. 28. Д. 793].

4 и 5 января 1936 г. было проведено совещание при Совете Национальностей ЦИК СССР по вопросам трудоустройства кочующих трудящихся цыган и их культурно-хозяйственному обслуживанию, в котором участвовали представители советских институций, работающие с цыганами, пресса и почти вся советская цыганская элита. В своих выступлениях цыганские активисты выразили поддержку созданию цыганского национального района [ГАРФ. Ф. Р 3316. Оп. 28. Д. 794. Л. 77–125; Совещание 1936: 61–72]. Сразу после совещания Иван Токмаков от имени Отдела Национальностей ВЦИКа предложил черновик постановления Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета: «СНК РСФСР поручить Госплану и Наркомзему в месячный срок наметить один из районов в пределах РСФСР для компактного населения его трудящимися цыганами, обеспечить это мероприятие соответствующими средствами для хозяйственного и социально-культурного строительства в районе» [ГАРФ. Ф. Р 3316. Оп. 28. Д. 793. Л. 4–5]. СНК, однако, не принял этот вариант, а вместо него 7 апреля 1936 г. Президиум ЦИК СССР принял Постановление «О мероприятиях по трудоустройству кочующих и улучшению хозяйственного и культурно-бытового обслуживания трудящихся цыган» [О мероприятиях 1936: 87], в котором были сделаны некоторые важные изменения в сравнении с первоначальным предложением. В принятом постановлении вопрос

о создании цыганского национального района отошел на задний план, кроме того, здесь речь уже не шла об одном районе, а о неуточненном числе «специальных районов». На первый взгляд, это незначительное изменение, но оно очень существенно, т. к. отражает межведомственные разногласия между ЦИК и НКВД по вопросу о цыганском районе, которые повлияли и на конкретные действия. ЦИК СССР и цыганские активисты настаивали на быстром создании цыганского района на территории Северо-Кавказского края, а НКВД предпочитал, чтобы были созданы, но медленно и постепенно, несколько цыганских районов в разных местах; но ни одно из этих ведомств не включало Западную Сибирь в свои планы в этом направлении.

В это время НКВД возглавлял Николай Ежов, и полномочия ведомства были расширены, в его состав вошло ОГПУ и другие административные структуры. Всесоюзный переселенческий комитет с 22 июля 1936 г. тоже стал подведомственным учреждением НКВД. В результате этих перемен вопрос о создании цыганского района формально оставался под контролем ВЦИКа, но НКВД должен был его реализовать. Переселенческий комитет обязали ускорить работу по определению территории для поселения цыган и начать практическую операцию по их переселению [ГАРФ. Ф. Р 1235. Оп. 130. Д. 5]. Это привело к некоторым существенным расхождениям в масштабах и темпах работ, отражающим разные позиции ЦИК СССР и НКВД, которые были не стратегическими, а тактическими. В НКВД в принципе не возражали против создания такого района, но придерживались более реалистичного и прагматичного подхода, который предполагал такие поэтапные меры, как установление меньших контрольных цифр для численности цыган, которые должны осесть на земле, создание нескольких цыганских районов в разных местах, чтобы утвердить методы работы, сравнить и проверить достигнутые результаты и т. д. В очередной раз заговорили о новых районах для расселения цыган, таких как, Куйбышевский, Горьковский, Кировский края, и обсуждались даже Украинская и Белорусская ССР [ГАРФ. Ф. Р 1235. Оп. 123. Д. 27].

Несмотря на этот более осторожный подход, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки, НКВД предпринял конкретные шаги, в том числе содействие местным властям в наделении землей цыган [РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 143; Д. 144; Д. 148; Д. 149; Д. 151; Д. 152; Д. 157]. Важным направлением работы НКВД было строительство новых домов для цыган-колхозников, для этого была налажена поставка строительного леса эшелонами из ГУЛАГа, т. е. в конечном итоге все сводится к исторической иронии о том, как НКВД использовал ресурсы ГУЛАГа при строительстве жилья для цыган. Были осуществлены даже попытки (хотя и безуспешные) создать новый цыганский сельсовет возле цыганского колхоза «Нэви бахт» («Новое счастье») в Куйбышевском крае [РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 146]. Попытки создать цыганские национальные сельские советы (тогда и раньше) имели место и

в Западной области [ГАСО. Ф. Р 2360. Оп. 2. Св. 50. Д. 432], а по непроверенным данным, также и в Одесской области (по сведениям, которые мы получили от Сергея Ермошкина).

Работу по созданию цыганской автономии прервало кардинальное изменение советской национальной политики. 1 декабря 1937 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) пересмотрело вопрос о национальных районах и сельсоветах и сочло нецелесообразным продолжать существование как особых национальных районов, так и сельсоветов [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 633. Л. 3–4], и уже 17 декабря 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило постановление «О ликвидации национальных районов и сельсоветов» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1006. Л. 39–40]. В этой ситуации вопрос о создании национальной цыганской территориально-административной единицы был снят с повестки дня, и вся деятельность в этом направлении была постепенно прекращена. Через несколько лет после этого началась Великая Отечественная война, и в послевоенных условиях к вопросу о создании автономной цыганской территории власти больше не возвращались. По иронии судьбы после войны все забыли о существовании цыганского сельсовета в Канглы. Он просуществовал до 12 июня 1952 г. и был официально закрыт, притом, что цыгане там уже давно не жили (еще со времен войны и немецкой оккупации) [ГАРФ. Ф. А 385. Оп. 17. Д. 2037].

К вопросу об автономии цыганские активисты вернулись еще раз уже в послевоенное время после указа Президиума Верховного Совета СССР от 5 октября 1956 г. «О приобщении к труду цыган, занимающихся бродяжничеством». В 1965 г. дочери цыганского активиста, писателя и поэта Николая Панкова, Наталия и Любовь, вместе с Николаем Саткевичем, выпускником цыганского педагогического училища, и Николаем Меньшиковым, выпускником цыганской школы с детским домом в Серебрянке, офицером Советской Армии, участником Второй мировой войны, написали письмо в Идеологическую комиссию ЦК КПСС и Верховный Совет СССР, подписанное – от имени «трудящихся цыган» [ЛАВК], это означает, что оно, вероятно, было обсуждено в более широком круге цыган. Среди предложений в этом письме читаем: «...необходимо учитывать исторически сложившиеся у народа традиции и особенности психологии, в частности, предусмотреть возможность оседания и трудоустройства цыган относительно большими массами.

Нам кажется, что было бы полезным предоставление ныне кочующим цыганам возможность оседать в непосредственной близости тех мест, где в настоящее время уже живут оседло цыгане (немало таких мест есть, в частности, в Молдавии, а также Смоленской области и на Северном Кавказе)» [ЛАВК].

В 1969 г. Николай Саткевич, Николай Меньшиков и Лев Черенков подготовили еще одно письмо такого же рода Председателю Совета Министров СССР «О нормализации жизни цыганского народа». Сохранено свиде-

тельство, что текст этого письма обсуждался в более широком круге, например 24 апреля 1969 г. на квартире П. Е. Козловой на одном из таких обсуждений присутствовали и дочери Николая Панкова [ЛАНБ. Ф. Николай Панков].

В этих письмах они призывают использовать «положительный опыт работы с [19]26 и [19]37 гг.» [ЛАВК] и снова предлагают концентрацию цыган, но к ранее предлагаемым территориям впервые добавлена и Молдавская ССР, причем она упомянута на первом месте. Сведения о каком-либо ответе на эти письма до сих пор не удалось обнаружить.

Это был последний раз, когда цыганские активисты поднимали тему территориальной автономии цыган в СССР. После распада СССР в условиях Российской Федерации в контексте новых политических реалий идея цыганской автономии приобрела совершенно иное, не территориальное измерение: 14 марта 2000 г. создана некоммерческая организация Федеральная национально-культурная автономия российских цыган.

* * *

Это факты, такие, какими их сохранила «классическая» история, и отсюда начинается устная история, которая развивается и по сей день. Устная история не сохранила никаких воспоминаний об усилиях цыганских активистов создать национальную автономную территориальную единицу. Зато в постсоветском пространстве среди цыган ходила легенда о том, как Сталин встретил известную цыганскую актрису Лялю Черную в театре «Ромэн» (или в других вариантах – он пригласил ее на встречу с активом цыган в Кремле), причем эта история была даже опубликована [Калинин 2005: 45–47]. Сталина очаровали ее красота и рассказ о богатстве цыганской культуры, и он обещал ей создать цыганскую республику в СССР. Есть и легенды, что цыгане прятали Сталина во время его ссылки, и он в знак благодарности решил подарить им свою автономию. Эти легенды можно и сегодня услышать из уст цыган, и они до сих пор продолжают обрастать новыми и новыми деталями и пересекаются со старыми легендами о добром, любящем и ценящем цыган Сталине, который отказал Гитлеру, настаивавшему на том, чтобы Сталин передал ему своих цыган [Бессонов 2020b].

Здесь необходимо отметить, что в обширном письменном наследии Иосифа Сталина, неоднократно опубликованном, есть высказывания по самым разным темам, но нет ни одного слова про цыган, т. е. нет никаких исторических свидетельств того, что Сталин когда-либо демонстрировал какой-нибудь интерес к цыганам. Более того, Сталин ни разу не побывал ни на одном спектакле театра «Ромэн», хотя он очень часто бывал на спектаклях в различных других театрах в Москве.

В устной истории в постсоветском пространстве сохранены и другие варианты, относившиеся к теме создания цыганской автономии. В настоящее

время в Республике Молдова в устной истории местных цыган (и даже нецыган) есть рассказы о том, что советское правительство планировало создать Цыганскую республику со столицей в городе Отачи, и поэтому многие цыгане из всего Советского Союза были переселены в Молдавию. Фактически нет исторической информации о проведении (или даже планировании) каких-либо мер по переселению цыган в Молдову, но факт остается фактом, Молдавия была среди предпочитаемых мест для компактного заселения цыганами, как видно из процитированного выше письма, отправленного в идеологическую комиссию ЦК КПСС. Этот случай еще раз подтверждает, что в основе повествований устной истории, какими бы невероятными ни были некоторые из них (и которые, очевидно, не соответствуют исторической реальности), всегда есть какие-то реальные события (или, по крайней мере, слухи о таких событиях), которые развиваются, обогащаются новыми деталями и изменяются со временем по законам фольклора (каждое повествование устной истории, которое не развивается до уровня национального нарратива, рано или поздно превращается в фольклорное повествование разных жанров – предания, мифы, легенды, сказки и т. д.).

С легендами о добром Сталине и цыганской республике сочетались очень своеобразным способом и новые, которые стали распространяться в контексте разоблачений сталинских репрессий на фоне обсуждения ГУЛАГа и депортаций разных народов и последующей реабилитации репрессированных. Новый нарратив стал особенно популярным в цыганской среде после того, как в 2002 г. Николай Бессонов опубликовал статью «Цыгане: годы ссылок и побегов» [Бессонов 2002: 10], которая впоследствии получила широкое распространение (в оригинальном или пересказанном виде) через десятки статей, опубликованных на разных сайтах в интернете. В этой статье Николай Бессонов представляет историю цыгана из группы кишиневцев Володи Глодо (Владимир В. Шаматульский), которому «к началу репрессивной акции исполнилось шесть лет». Несмотря на столь юный возраст, он описывает поразительно много деталей, которые полностью совпадают с документальными свидетельствами (и, в частности, с упомянутым выше рапортом Израила И. Плинера). Согласно этому рассказу, депортированных цыган перевозили в относительно хороших условиях, они были обеспечены едой (хлеб и рыба), медицинской помощью, охрана не была строгой. И некоторым более молодым цыганам удалось бежать еще в дороге, а другие целыми семьями бежали позже, уже из места их трудового поселения «на реке Чикаюл» (т. е. Чичкаюл).

Дальше Бессонов приводит рассказ Вальдемара Калинина об истории, которую он услышал от Александра Сикачева, о депортации цыган в 1937 г. Услышанный рассказ Калинин развил и дополнил другими свидетельствами из устной истории и опубликовал в своей книге [Калинин 2005: 45–47]. По его словам, «в 1937-м работники милиции совместно с представителями НКВД стали задерживать всех кочующих цыган на территории

Тулской, Калининской, Рязанской, Калужской, Смоленской и Владимирской областей, а также цыган, проезжающих через Москву. Из них стали составлять группы, назначать старших и принудительно отправлять с Казанского вокзала Москвы... в Сибирь». В Сибирь, на станцию Тайга (сегодня Кемеровская область), эти группы цыган прибыли вместе с депортированными цыганами из «других регионов СССР – Белоруссии, Молдавии (Здесь пропущен факт, что Молдавия на данный момент не входила в состав СССР. – *Авт.*), Украины, Крыма», всего «340 семей, или около 1,800 человек взрослых и детей». После прибытия в пункт назначения, «составив полный список переселенцев, местные власти поставили задачу: своими силами провести сев и собрать урожай, построить за лето и осень поселок» [Там же]. Александр Сикачев был назначен руководителем нового цыганского поселения, но условия жизни были очень тяжелыми, и к концу года все цыгане бежали, а местные власти закрыли глаза на побег.

Варианты этой истории мы также слышали во время наших полевых исследований не только в России, но и на Украине, где тоже подтвердилась история про попытку создать цыганскую автономию на основе депортаций цыган с центром на станции Тайга. Этот нарратив (без каких-либо попыток верификации) уже вошел даже и в научную литературу на Западе, в том числе там можно прочесть о предложениях о создании цыганской автономной области, которую «назовут Романестан» [Lemon 2000: 133; 2001: 228; Klimova-Alexander 2005: 164]. В данном случае это, несомненно, явная манипуляция, к которой нельзя относиться серьезно, поскольку название «Романестан» никогда не использовалось в документах и публикациях раннего СССР; это имя, созданное Ионелом Ротару, впервые появилось во Франции в 1950-х гг.

В отличие от материалов, полученных методами устной истории, о депортации цыган из окрестностей Москвы в 1933 г. в Сибирь, которые отражают и дополняют действительное историческое событие, рассказы о массовых депортациях цыган в 1937 г. и попытках на их основе создать цыганскую автономию с центром на станции Тайга, однако, не соответствуют реальным историческим событиям. Если массовые аресты и депортации кочующих цыган из столь разных мест европейской части СССР действительно имели место, они не могли бы не найти отражение в разных исторических свидетельствах (в официальных документах задействованных ведомств, включая даже воспоминания современников этих событий).

Исследования в архивах, которые мы проводили в Москве, а также и те, которые делали по нашей просьбе наши коллеги в Западной Сибири (в региональных архивах в Новосибирске и Кемерово), тоже не обнаружили ни одного документального свидетельства, которое позволило бы верифицировать эту историю попыток установления цыганской автономии. Вряд ли можно предположить, что вся документация по этой депортации была уничтожена НКВД (нет логического объяснения, для чего это могло быть

необходимо), или что может идти речь о «тишине архивов» (т. е. о не отражении событий, которые не считаются важными), подобной той, которую описала Ольга Бартош [Bartash 2019]. Скорее всего, имеет место возникновение вторичной квази-истории, в которой контаминировались воспоминания о двух реальных событиях, которые не были взаимно связаны, – о депортации кочующих цыган из Москвы в 1933 г. и о попытке создать цыганскую территориально-административную единицу, а в перспективе и цыганскую автономную республику.

Тот факт, что при подобной контаминации осуществляется постоянный трансфер между письменными текстами и устной историей, не должен нас удивлять, он вполне закономерен. Цыгане (по крайней мере, в Восточной Европе и на постсоветском пространстве, т. е. в пределах бывшего социалистического лагеря) давно перестали быть бесписьменным народом в результате последовательной политики обязательного образования для всех граждан. Более того, в последние годы все более важное место в их жизни занимают современные средства связи, например вот уже несколько лет даже так называемые «цыганские суды» стали проводиться по скайпу, мессенджеру и т. д., а затем транслироваться на «Ютубе» или в «Инстаграме».

В этой ситуации нормально, что все больше и больше исторической информации, полученной с помощью «классического» исторического знания, начинает входить в сферу устной истории и постепенно превращается в исторический нарратив сообщества. Поэтому границы устной истории все более размываются и она начинает становиться «письменной», т. е. отдельные нарративы размещаются в интернете и даже в отдельных научных публикациях; последний пример – книга Николая Бессонова [Бессонов 2020a]. Что самое важное, здесь присутствует не противостояние устной и письменной истории, а скорее, мы наблюдаем точки их конвергенции и видим интерпретацию известных исторических событий [Sahlins 1985], сделанную самими цыганами.

На данном этапе слишком рано судить, станет ли опыт создания цыганской национальной автономии в сочетании (или без него) с эпизодами репрессий частью коллективной исторической памяти цыганского народа. Нарратив о репрессиях вписывается в современную тенденцию, развивающуюся среди международных цыганских активистов по созданию общецыганского мастер-нарратива на базе исторических страданий [Kapralski 2014: 204]. Он отражает стремление этих активистов вписать историю цыган в европейское мемориальное пространство и на этой основе обеспечить им место в национальной и европейской истории [Hub van Vaar 2011: 272]. История попытки создать цыганскую автономию, напротив, противоречит широко распространяемому стереотипу об исключительной уникальности цыган как транснационального народа без государства (у которого никогда не было желания создать таковое), который является «вечной жертвой» мира, который их окружает [Marushiakova, Popov 2005: 433–455].

Только время покажет, пройдет ли описанный исторический нарратив испытание временем (см. [Carter 2006: 217]) на постсоветском уровне (и в каком виде он сохранится и будет развиваться).

* * *

Возвращаясь к поставленному в начале нашего текста вопросу о соотношении «классической» и устной истории, можно сказать, что здесь мы имеем наглядный пример того, что данным устной истории нельзя доверять безоглядно и их не следует воспринимать как истину в последней инстанции. Во многих случаях информация, обнаруженная с помощью методов устной истории, на самом деле псевдоисторические вторичные нарративы, которые часто продолжают активно создаваться и сегодня. Раньше такие нарративы постепенно принимали фольклоризованную форму, а сегодня их развитие несколько иное. Уже заметно, как процесс вторичного изменения памяти и прошлого опыта шаг за шагом превращается в отредактированную историческую коллективную память цыганского сообщества (или, используя современную, объявленную как политически корректную формулировку, – историческую коллективную память ромского народа). Можно ожидать, что тенденция переписывания истории с сегодняшней точки зрения может в будущем получить более широкое общественное измерение.

Этот процесс вторичного исторического «редактирования» коллективной памяти сообщества и создания нового квазиисторического национального нарратива добавляет новые измерения к соотношениям между устной и реальной историей.

Ввиду этих обстоятельств можно сделать вывод, что метод устной истории не кажется универсальным и однозначным. Однако приведенные примеры не означают, что результаты устной истории следует отвергнуть и вообще не использовать; напротив, во многих случаях они могут помочь дополнить данные «классической» исторической науки. Влияние субъективности на отдельные человеческие судьбы, ретроспективный взгляд на события под влиянием различных современных факторов, а также специфика фольклорных жанров не могут не влиять на получаемые исторические знания. Сочетание различных методов исследования необходимо, но их результаты нужно критически изучить и контекстуализировать, и все случаи несоответствий, подобные описанным выше, требуют тщательного изучения и дальнейшего анализа всех доступных данных, чтобы можно было сделать какие-либо выводы. В лучшем случае данные «классической» и устной истории можно (и нужно) постоянно объединять и дополнять, что может значительно помочь получить более полное представление о целостной истории цыган.

Список источников

ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации): Ф. А 385. Оп. 17. Д. 2037; Ф. Р 3. Оп. 1. Д. 540 А; Ф. Р 1235. Оп. 120. Д. 27; Ф. Р 1235. Оп. 123. Д. 27; Ф. Р 1235. Оп. 123. Д. 28; Ф. Р 1235. Оп. 130. Д. 5; Ф. Р 1235. Оп. 130. Д. 9; Ф. Р 3260. Оп. 6. Д. 44; Ф. Р 3316. Оп. 64. Д. 1637; Ф. Р 3316. Оп. 28. Д. 793; Ф. Р 3316. Оп. 28. Д. 794; Ф. Р 5446. Оп. 57. Д. 24; Ф. Р 9479. Оп. 1. Д. 19.

ГАСО (Государственный архив Смоленской области): Ф. Р 2360. Оп. 2. Св. 50. Д. 432.

ЛАВК (Личный архив Валдемара Калинина).

ЛАНБ (Личный архив Николая Бессонова): Ф. Николай Панков.

РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории): Ф. 17. Оп. 3. Д. 1006; Ф. 17. Оп. 114. Д. 633.

РГАЭ (Российский государственный архив экономики): Ф. 5675. Оп. 1. Д. 143; Ф. 5675. Оп. 1. Д. 144; Ф. 5675. Оп. 1. Д. 146; Ф. 5675. Оп. 1. Д. 148; Ф. 5675. Оп. 1. Д. 149; Ф. 5675. Оп. 1. Д. 151; Ф. 5675. Оп. 1. Д. 152; Ф. 5675. Оп. 1. Д. 157.

Список литературы

1933 год – 1933 год. Назинская трагедия. Документальное научное издание / сост. С. А. Красильников. Томск: Институт истории Сибирского отделения РАН & Томское историко-просветительское, правозащитное и благотворительное общество «Мемориал», 2002. – 222 с.

Барсагаев 1990 – Барсагаев П. Драма в тайге // За советскую науку. 1990. 7 июня. С. 3.

Бессонов 2002 – Бессонов Н. Цыгане: годы ссылки и побегов // 2002. 30 октября. № 26. С. 10.

Бессонов 2020a – Бессонов Н. История цыган-кишиневцев. СПб: Маматов, 2020. – 240 с.

Бессонов 2020b – Миф о хорошем Сталине. <https://www.facebook.com/FoundBessonov/posts/817720648719343>

Всесоюзная 1926 – Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по республикам СССР // Демоскоп Weekly. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php

Герасимов 1936 – Герасимов И. О цыганском национальном районе // Известия ЦИК СССР. 1936. № 241 (6098). С. 3.

Земсков 2014 – Земсков В. Н. Сталин и народ. Почему не было восстания. М.: Алгоритм, 2014. – 239 с.

Калинин 2005 – Калинин В. Загадка балтийских цыган. Очерки истории, культуры и социального развития балтийских цыган. Минск: Логвинов, 2005. – 238 с.

Масленников 1936 – Масленников Ю., Смирнов В., Плетнев В. Три предложения // Комсомольская правда. 1936. № 161 (3447). С. 2.

Неволин 2014 – Неволин В. Человек, лишенный малой родины. Красноярск: РАСТР, 2014. – 148 с.

О мероприятиях 1936 – О мероприятиях по трудоустройству кочующих и улучшению хозяйственного и культурно-бытового обслуживания трудящихся цыган. Постановление Президиума ЦИК Союза ССР от 7/IV 1936 г. // Революция и национальности. 1936. № 6. С. 87.

Романова 2001 – Романова В. В. Власть и евреи на Дальнем Востоке России: история взаимоотношений. Красноярск: Кларетианум, 2001. – 295 с.

Собрание 1932 – Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик. 1932. № 84.

Совещание 1936 – Совещание по трудоустройству и культурно-бытовому обслуживанию цыган. Революция и национальности. 1936. № 7 (2). С. 61–72.

Трудящиеся предлагают 1936 – Трудящиеся предлагают // Комсомольская правда. 1936. № 170 (3456). С. 2.

Bartash 2019 – Bartash V. Towards Ethnography of Archival Silence: Romani Memory of Nazi Genocide Confronts the Soviet Records // Erreffo – La ricercar folklorica. 2019. № 74. Pp. 13–28.

Carter 2006 – Carter R. G. S. Of Things Said and Unsaid: Power, Archival Silences, and Power in Silence // 2006. Archivaria. № 61. Pp. 215–233.

Courtois et al. 1999 – S. Courtois, N. Werth, J.-L. Panné, A. Paczkowski, K. Bartošek, J.-L. Margolin (Eds.) The Black Book of Communism: Crimes, Terror, Repression. Cambridge, MA: Harvard University Press. Pp. 858.

van Baar 2011 – van Baar H. The European Roma: Minority Representation, Memory, and the Limits of Transnational Governmentality. Amsterdam: Universiteit van Amsterdam, 2011. Pp. 400.

Kapralski 2014 – Kapralski S. Memory, Identity, and Roma Transnational Nationalism // In Ch. De Cesari & A. Rigney (Eds.) Transnational Memory: Circulation, Articulation, Scales. Berlin & München & Boston: De Gruyter, 2014. Pp. 195–218.

Klimova-Alexander 2005 – Klimova-Alexander I. The Development and Institutionalization of Romani Representation and Administration. Part 2: Beginnings of Modern Institutionalization (Nineteenth Century – World War II) // 2005. Nationalities Papers. № 33 (2). Pp. 155–210.

Lemon 2000 – Lemon A. *Between Two Fires: Gypsy Performance and Romani Memory from Pushkin to Postsocialism*. Durham & London: Duke University Press, 2000. Pp. 309.

Lemon 2001 – Lemon A. *Russia: Politics of Performance*. In W. Guy (Ed.) *Between Past and Future: The Roma of Central and Eastern Europe*. Hatfield: University of Hertfordshire Press, 2001. Pp. 227–241.

Marushiakova & Popov 2005 – Marushiakova E. & Popov V. *The Roma – a Nation without a State? Historical Background and Contemporary Tendencies*. In W. Burszta, T. Kamusella & S. Wojciechowski (Eds.) *Nationalismus Across the Globe: An Overview of the Nationalism of State-endowed and Stateless Nations*. Poznan: School of Humanities and Journalism, 2005. Pp. 433–455.

Marushiakova & Popov 2021 – Marushiakova E. & Popov V. (Eds.) *Roma Voices in History: A Source Book. Roma Civic Emancipation in Central, South-Eastern and Eastern Europe from 19th Century until the Second World War*. Leiden: Brill & Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2021. Pp. 1105.

Marushiakova & Popov 2022 – Marushiakova E., Popov V. (Eds) *Roma Portraits in History: Roma Civic Emancipation Elite in Central, South-Eastern and Eastern Europe from the 19th Century until World War II*. Leiden: Brill & Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2022 (forthcoming).

Perks & Thomson – Perks R. & Thomson A. (Eds) *The Oral History Reader*. London: Routledge, 1998. Pp. 742.

Portelli 1997 – Portelli A. *The Battle of Valle Giulia: Oral History and the Art of Dialogue*. Madison, WI: The University of Wisconsin Press, 1997. Pp. 368.

Sahlins 1985 – Sahlins M. *Islands of History*. Chicago, IL: Chicago University Press, 1985. Pp. 200.

Scott 2009 – Scott J. C. *The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia*. New Haven, CT & London: Yale University Press, 2009. Pp. 464.

Stan 2015 – Stan L. S. *Acknowledgements // Anuarul Institutului de Istorie Orală*. № 26. Pp. 7–11.

The Untold Story 2019 – *The Untold Story. An Oral History of the Roma People in Romania*. 2019. <https://eeagrants.org/archive/2009-2014/projects/RO14-0021>

Werth 2007 – Werth N. *Cannibal Island: Death in a Siberian Gulag*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2007. Pp. 223.

Wolf 1982 – Wolf E. *Europe and the People Without History*. Berkeley, CA: University of California Press, 1982. Pp. 534.

Благодарности

This article is written and published as a part of the research project RomaInterbellum: Roma Civic Emancipation between the Two World Wars which has received funding from the European Research Council (ERC) under the European Union's Horizon 2020 Research and Innovation Programme (Grant Agreement No. 694656). It reflects only the authors' view, and the agency is not responsible for any use that may be made of the information it contains.